

Моск. телевидение, 1985, 1 апр.

Надежный ускоритель

СУЩЕСТВУЮТ самые знаменитые восьмистишия. На малом пространстве — как бы суть всего творчества и еще его эмблема. Например, «Я вас любил...» Пушкина. «Ночь, улица, фонарь, аптека...» Блока.

Вот стихотворение из этого — почти немислимого — ряда:

Среди миров, в
мерцании светил
Одной звезды я
повторяю имя.
Не потому, чтоб
я ее любил,
А потому, что мне
темно с другими.

И если мне
сомненье тяжело,
Я у нее одной
молку отзета,
Не потому, что от
нее светло,
А потому, что с ней
не надо света.

Сложный, нервный, мучительный тип творчества представлен здесь с классической полнотой и ясностью. Это так просто, что можно и хочется петь. Но любовь здесь боится назвать себя, безнадежность присутствует в каждой строке, а в итоге все преодолевается благодаря совершенству целого.

Это Иннокентий Анненский, которому посвящена очень сильная передача, прошедшая днем 1 апреля по второй программе.

ЮРИЙ НАГИБИН, автор и ведущий, начинает с последних мгновений жизни героя, но истинная цель эпизода — не проинформировать нас об обстоятельствах смерти в вестибюле вокзала, а врезать в наше сознание первый контур образа поэта: «Красивый, задумчивый, необыкновенный и безвестный...».

Ю. Нагбин приходит к использованию возможностей телевидения со своей темой, со своей страстью, со своим методом. Тема — деятели искусства прошлого, самые прославленные (Лермонтов) или затененные долгой недостаточностью внимания. Страсть — благородные воскрешения. Метод — художественный образ.

Что ж, Анненский не прост. Его стихи — одна из вершин долгого и богатого развития культуры, прежде всего отечественной. А может быть, есть в них и отзвуки античности, столько определившей в остальном творчестве Анненского — он был непревзойденным переводчиком Еврипида и автором своеобразнейших трагедий, античных по ходу внешнего сюжета и глубоко современных по мироощущению. А еще — замечательным литератур-

ПРЕМЬЕРА

ным критиком. А сверх того — глубоким теоретиком педагогической мысли и практиком педагогики. И человеком передозым, ненавидевшим жестокость самодержавия, предсказавшим его близкий, бесславный конец.

Но со всем этим прежде всего он — один из замечательных русских поэтов. Все это жизненное разнообразие выстраивается в тесном объеме передачи для того, чтобы мы смогли воспринять то в лирическом поэте, что в конце концов важнее стихов — само образное единство его поэзии.

Итак, тонкость и изысканность, сдержанность и благородство — вот что передают нам с экрана. Ведущий воздействует на нас и самой интонацией рассказа и тем, как, скажем, обращается к знатому поэту Андрею Венедиктовичу Федорову.

АННЕНСКИЙ представляет перед нами живым, меняющимся, даже если оставить в стороне все творческое и биографическое многообразие и говорить о поэзии в узком смысле слова. Изысканность и тонкость письма, безупречный вкус и меланхоличность жизненного ощущения стали здесь только исходной точкой знакомства. От этих свойств поэзии и в самом деле недалеко до некоего кабинетного эстетства, а то, что нашему поэту оно не свойственно, еще надо доказать.

Прежде всего надо наметить выход к «широкому» читателю и слушателю. Эту функцию берет на себя уже знакомый нам ленинградец Александр Суханов. Он очень выигрышен для телеэкрана, и романы, которые он исполняет под гитару, наверняка покорят многих.

Однако и сама романсовая интонация звучит тут, как бы извиняясь. Она как бы чувствует, что не в силах исчерпать особенности поэтического голоса поэта. Хотя ее присутствие уместно и желательно — надо, чтобы поэт дошел до возможно большего числа слушателей, и не стоит отвергать путей к нам по соображениям, которые сегодня следовало бы назвать «пижонскими».

Но все-таки главное впереди. Итак, с одной стороны — скрипка, свечи, изящная музыка... С другой — гитара... А потом

автор и ведущий дает нам расслышать иное звучание поэзии Анненского. Там, на вершинах мелодичности и сдержанности, вдруг пробивается какая-то совсем иная музыка — дисгармоничная, резкая, среди ее нот возможны и скрежет, и визг. Вслушиваешься, вслушиваешься в «неземные звуки», «музыку сфер» — и вдруг вот тебе на! (Стихи читает Александр Кутепов).

Почему нам знакомо это «вдруг»? Где мы слышали то же самое? Конечно, у Блока.

И мы видим: они были современниками. Даже жили в одном доме, правда, в разные годы. Блок был моложе годами, но «старше» в поэтической табели о рангах.

Ю. М. Нагбин рассказывает нам о связях и отношениях поэтов. А потом совершает нечто удивительное и неожиданное.

Вы помните, ведя передачу о 27-летнем Лермонтове, убитом на дуэли, писатель вдруг отказался рассматривать, казалось бы, естественный вопрос: «А что бы он написал еще?». Так вот, говоря о немоллом Анненском, умершем своей смертью, он этот в данном случае вовсе не само собой разумеющийся вопрос — ставит.

И приходит к выводу, что мы, видимо, лишились гениальной поэмы, масштаба и типа «Двенадцати». Что ж, возможно, хотя, на мой взгляд, естественней предположить серию стихотворений, может быть, цикл...

НО ДЕЛО не в этом. В апрельском номере «Нового мира» Я. Варшавский, рецензируя новую книгу о телевидении Ст. Рассадина, завершает ее так: «Жаль, всего лишь раз увидел я (речь идет о спутниках в метро) раскрытую книгу стихов... Ничего, будут читать и собрания стихотворений: есть теперь надежный ускоритель всеобщего эстетического развития — телевидение».

Сама эта надежда чудесна, и к ней хочется изо всех сил присоединиться. Только «включать ускоритель, может быть, стоит как-то увереннее. Передача об Анненском, на мой взгляд, во многом этапная, прошла несколько стыдливо: в понедельник (1 апреля), после полудня, по второй программе. Думается, повторить ее стоило бы в более людное время... Она — из тех, которые не просто обращаются к подготовленной публике, но сами такую публику создают.

А. АРОНОВ.